

333.631.95
2 304

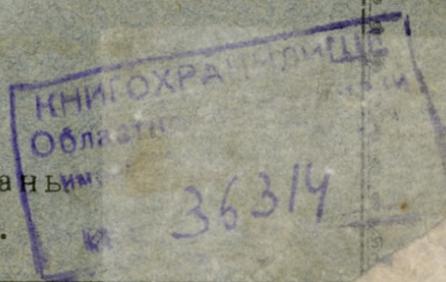
Астраханского Общества Садоводства и Огородничества

И. А. Демикский.

63
А 9 30

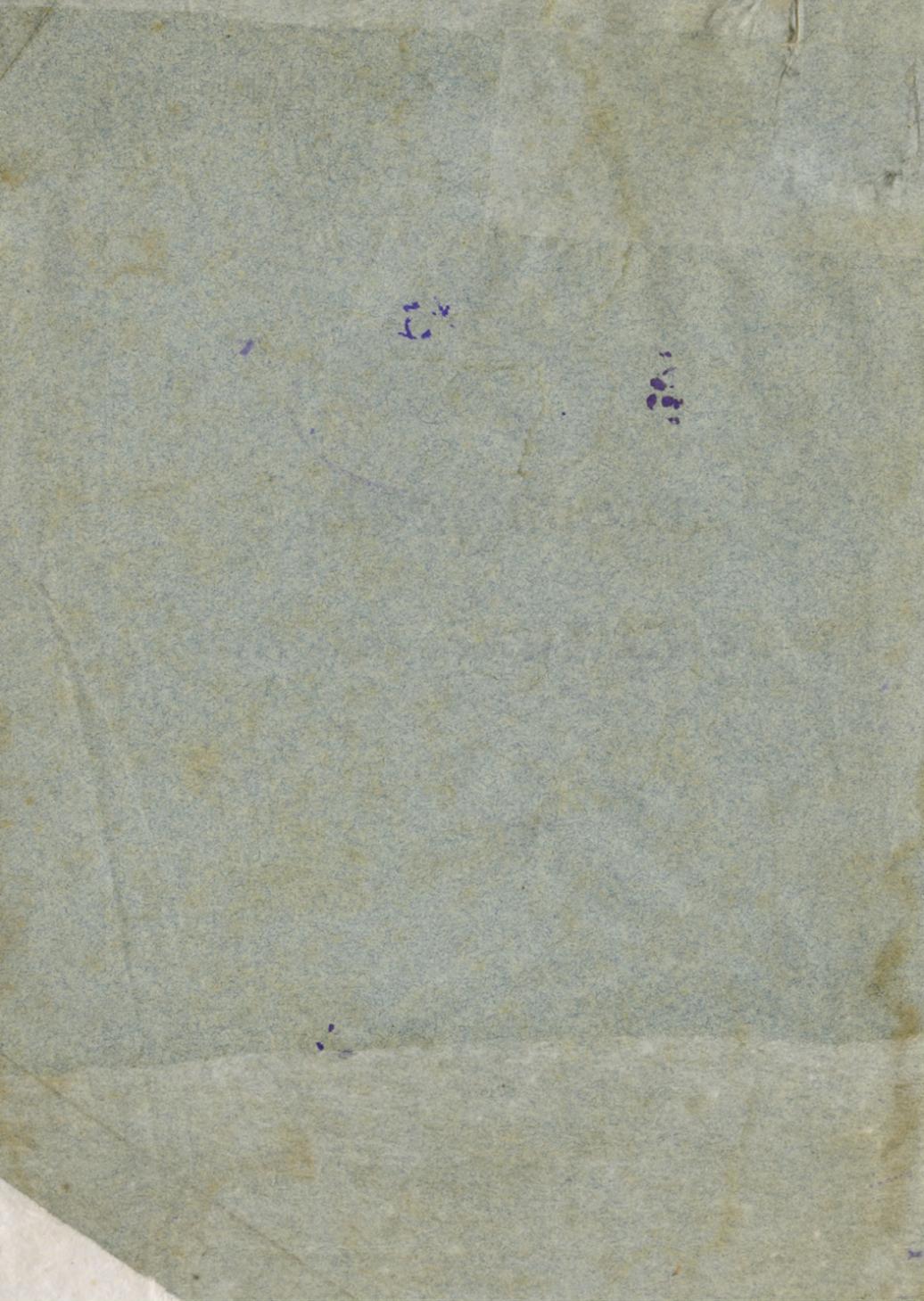

О закрѣпленіи
сыпучихъ песковъ.

г. Астрахань
1908 г.

73

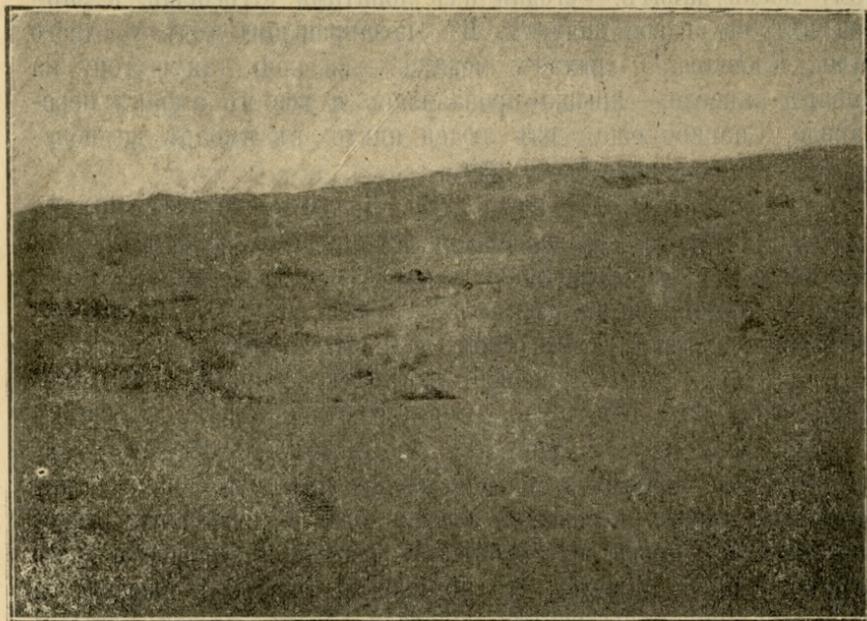

О закрѣпленіи сыпучихъ песковъ.

Какъ-то въ воскресенье сельскій учитель Петръ Ивановичъ пригласилъ къ себѣ попить чайку сельскаго старосту Кузьму Мироныча. Обѣдня только что отошла, время было свободное, и Кузьма Миронычъ охотно согласился.

Попили чайку, побесѣдовали о разныхъ предметахъ, потомъ Петръ Ивановичъ и говоритъ:

— А что я тебѣ хотѣлъ сказать, Кузьма Миронычъ. Вы что думаете дѣлать съ вашими песками?

Голые пески въ калмыцкой степи.

— Да что дѣлать,—отвѣтилъ Кузьма Миронычъ, удивившись даже вопросу.—Растутъ себѣ пески, и все тутъ. Что-же съ ними подѣлаешь?

— Вогъ то-то и есть, что подѣлать кое-что можно,—усмѣхнулся Петръ Иванычъ.—Ты вотъ подумай только,—сѣнокосы у васъ передудо песками, ближній выгонъ почти весь въ пескахъ, пашни, ужъ и то начало передувать. Отъ бугра пески совсѣмъ на село надвинулись. Вотъ, теперь тѣ, что у бугра живутъ, послѣ каждаго вѣтра съ лопатами выходятъ, пески отгребаютъ.

— Инымъ ужъ и усадьбы пришлось на другое мѣсто перенести. Засыпало,—подтвердилъ староста.

— Ну, вотъ видишь,—сказалъ учитель.—Какъ-же вы о будущемъ думаете?

— Что тутъ думать,—вдохнулъ староста.—Дѣло Божье. Помаемся еще, видно, лѣтъ съ пятокъ, а тамъ всѣмъ селомъ придется сняться, подальше отъ песковъ уйти. Въ нашей губерніи это дѣло бывалое. Есть казачьи станицы,—раза по три съ мѣста на мѣсто переходили. Слыхалъ и про села,—тоже такъ-то пришлось насиженное мѣсто бросать. Потому пески давятъ. Сегодня ихъ лопатами отгребешь, а завтра вѣтромъ вдвое надуетъ. Въ позапрошломъ году у одного тутъ, Ключкова, слыхалъ, можетъ?—за ночь такую гору на амбаръ нанесло,—крыша провалилась и все въ амбарѣ передавило. Спасибо еще, изъ людей никто въ амбарѣ не ночевалъ, а то задавило-бы и ихъ.

— Вотъ, ты говоришь: дѣло Божье,—сказалъ учитель.—Бѣда наша, что мы привыкли все на Бога валить. Что ни случится, все Богъ да Богъ, а сами сидимъ сложа руки. Самъ посуди,—статочное-ли это дѣло? Ты мнѣ вотъ что скажи: дешево-ли обойдется всѣмъ селомъ на другое мѣсто перейти?

— Ну, гдѣ-же дешево,—отвѣтилъ староста.—Къ приѣру взять хоть мой домъ: стоитъ себѣ на мѣстѣ и еще съ полвѣка простоить, а тронь его съ мѣста, что отъ него останется? Углы обобьются, нижніе вѣнцы подгнили, значитъ надо будетъ новые подводить. Крыша хоть и деревянная, а тоже половину придется бросить, а работа, а перевозка чего будетъ стоять? Даромъ, что на своихъ быкахъ перевезу, да вѣдь они другую-бы работу работали. Нѣтъ, не дай Богъ. Я такъ думаю, что половинѣ села надо будетъ старые дома на

дрова перепилить, да новые строить. А гдѣ денегъ взять? Чистое разореніе...

— И я думаю, что разореніе, — сказалъ учитель. — Только этого мало. Ну, вотъ, перейдете вы на новое мѣсто, тамъ что-же, на новомъ-то мѣстѣ, земля твердая? песковъ не будетъ?

— Земля у насъ вездѣ равная, — вездѣ съ песочкомъ. Думаю такъ, что современемъ будутъ и тамъ пески.

— Вотъ видишь. Теперь самъ посуди. Земля здѣсь испортилась, вся въ сыпучіе пески превратилась, вся бурунами пошла. Бросите вы это мѣсто, перейдете на другое, — тамъ опять пески разведете, опять васъ пески давить будутъ. Когда-же конецъ этому придетъ?

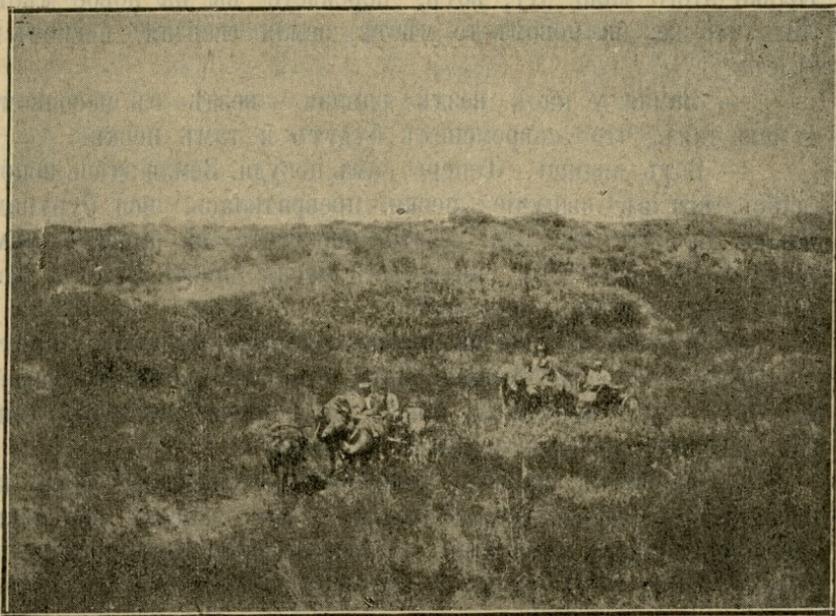
— А ужъ про конецъ одинъ Господь-Батюшка знаетъ, — сказалъ староста. Можетъ быть, и всѣмъ пропадать придется, — а то куда нибудь на новыя земли переселимся, въ Азію, что-ли... Впередъ нѣшто можно загадывать.

— Значить и впереди разореніе, да еще неизвѣстно, дадутъ-ли вамъ новыя земли. Теперь — самъ знаешь — на землю много охотниковъ находится, а тамъ, можетъ быть, новыхъ земель и званія не будетъ. И выходитъ такъ, что останетесь вы, пожалуй, на своихъ пескахъ сидѣть. Ни пашни у васъ не будетъ, ни сѣнокосовъ, ни скотины некуда будетъ выгнать, ни усадьбы поставить. Что тогда дѣлать будете?

— Воля Божья, — повторилъ староста, а самъ мрачный даже сталъ; не весело о такой бѣдѣ думать. — Эхъ, растревожилъ ты меня, Петръ Иванычъ, — сказалъ онъ вдругъ, почесывая затылокъ. — И къ чему ты эти разговоры ведешь, не пойму я.

— Про все это я тебѣ не даромъ толкую, — отвѣтилъ учитель. — объ этомъ сейчасъ и рѣчь поведу. Былъ я прежде учителемъ въ одномъ дальнемъ селѣ. Тамъ тоже такъ-то плакались люди, — давятъ пески, и некуда отъ нихъ податься. То же не плоше васъ рѣшили было на другое мѣсто всѣмъ селомъ переходить, да на ихъ счастье проѣхалъ черезъ село одинъ лѣсничій, посмотрѣлъ на ихъ бѣду и надумалъ имъ помочь. Уговорилъ крестьянъ обождать еще годъ-другой, а пока научилъ ихъ, какъ нужно пески закрѣплять. Что-же я тебѣ скажу, — до сихъ поръ на старомъ мѣстѣ сидятъ. Займища у нихъ нѣтъ, прежде каждый прутикъ нужно было покупать, а те-

перь свой хворостъ завелся, на пескахъ сѣно стало расти, — немудрящее сѣно, а все-же скотина ѣсть. Бругомъ зелень пошла, — ну, словомъ, совсѣмъ этого мѣста теперь и узнать

Заросшіе пески въ Нарынскомъ лѣсничествѣ.

нельзя. Я самъ сколько разъ на работахъ былъ, да еще давалъ мнѣ лѣсничій этотъ книжки читать про пески, такъ что дѣло это я хорошо знаю. И вотъ, что я тебѣ скажу, — никуда вамъ уходить не нужно. И здѣсь вамъ хорошо будетъ, только нужно пески укрѣпить.

Посмотрѣлъ староста на учителя, видитъ — человѣкъ говорить серьезно, не шутить. Но только не вѣрится ему, — какъ-же можно пески укрѣплять? Ужъ и раньше у нихъ кое-кто пробовалъ плетнями загораживать, одинъ даже садъ разводилъ, — такъ у всѣхъ только труды пропали.

— Не знаемъ мы этого, — сказалъ онъ, — подумавъ. — Только не думаю, чтобы какой толкъ выпелъ. Пески — сила...

— Узнаете и вы, коли захотите, — отвѣтилъ учитель. — На первый разъ я тебѣ больше ничего говорить не буду, а только ты хорошенько подумай, о чемъ я тебѣ сказалъ. Вѣрно

тебѣ говорю,—дѣло нетрудное, ума большого не требуетъ. Правда, съ одного разу можетъ и не удастся, да вѣдь недаромъ говорятъ, что терпѣніе и трудъ все перетрутъ. Мнѣ тутъ корысти никакой нѣтъ. Денегъ за науку я съ васъ не прошу и не возьму, а вы попробуйте сдѣлать, какъ я говорю, польза будетъ для васъ большая. Потомъ сами благодарить будете.

На томъ пока и разговоръ покончили. Всталъ вскорѣ староста съ мѣста, поблагодарилъ хозяина за угощеніе и отправился домой.

II.

Сильно запаали учителявы слова въ голову Кузьмы Мироныча. Бѣда на село дѣйствительно надвигалась большая,—шутка-ли на другое мѣсто переходить. Еще у кого достатокъ есть, тому сполагоря, а какъ быть людямъ бѣднымъ? По всему селу плачь пойдетъ, многимъ въ долги залѣзть придется по уши. Опять-же могилы родныя бросить надо будетъ, отъ воды уходить... Какъ ни вертись—одно горе...

Даже по ночамъ сталъ плохо спать Кузьма Миронычъ, все думалъ—неужели все то правда, про что учитель толковалъ. Коли правда, такъ чего-бы лучше. Но только и такъ бываетъ,—наговаряютъ люди, станешь дѣлать по ихнему, а толку никакого не выйдетъ. Его-же, Кузьму Мироныча, всѣ стануть ругать за то, что народъ смутилъ, если по его совѣту за дѣло примутся, а удачи не будетъ. Однако, учитель у нихъ не такой человѣкъ, чтобы зря говорить. Человѣкъ сурьезный и врать не любитъ. Опять-же и такъ можетъ быть,—можетъ, работы эти самая дорого стоятъ, не подъ силу будутъ селу. Думалъ Кузьма Миронычъ и на одинъ ладъ, и на другой, наконецъ рѣшилъ еще разъ объ этомъ дѣлѣ съ учителемъ потолковать. Спросъ—не бѣда, и отъ разговора никакого худа выйти не можетъ. Кто его знаетъ, можетъ и вправду дѣло подходящее.

Долго, можетъ быть, еще раздумывалъ-бы Кузьма Миронычъ, кабы пески опять не дали о себѣ знать. Разыгрался какъ-то штормъ не на шутку, повѣяло отъ бугра, да такъ повѣяло, что на улицахъ бархановъ въ сажень нанесло. Во дворахъ не пройти, а одному крестьянину пришлось лопатами изъ-подъ песка, словно изъ-подъ снѣга, скотину отрывать.

Встрѣтилъ на другой день Кузьма Миронычъ учителя и говорить:

— Видалъ, что вчера дѣлалось? Расскажи ты мнѣ, сдѣлай милость, какъ это пески укрѣпляли въ томъ селѣ, вотъ, что говорилъ ты тогда. Хочу объ этомъ дѣлѣ съ міромъ поговорить. И вправду ужъ отъ песковъ житья не стало...

— Что-жъ,—сказалъ учитель.—Я все въ подробности могу рассказать. Только мы такъ сдѣлаемъ: собери ты еще человѣкъ пять-шесть стариковъ, да все вмѣстѣ и приходите въ училище. Такъ оно лучше будетъ.

—Ладно,—говоритъ староста.—Когда-же приходите?

—А когда захотите, тогда и приходите. Я вѣдь всегда дома. Да чего-же лучше—завтра у насъ праздникъ, вотъ и приходите, какъ тотъ разъ, послѣ обѣдни.

На томъ и порѣшили.

Кузьмѣ Миронычу и самому такъ лучше показалось, чтобы не съ нимъ однимъ учитель говорилъ. Въ случаѣ чего не онъ одинъ будетъ въ отвѣтъ передъ міромъ, да и вообще такъ способнѣе.

На другой день въ школу собрались крестьяне. Пришелъ Кузьма Миронычъ, съ нимъ явились сосѣди Кузьмы Мироныча—Федосей Степанычъ да Иванъ Дмитричъ, еще трое домовитыхъ крестьянъ, потомъ лавочникъ Щербатовъ. У Щербатова земли никакой не было, и ни скотоводствомъ, ни хлѣбопашествомъ онъ не занимался, но жить ему приходилось вмѣстѣ съ крестьянами одною жизнью. Перейдетъ село, и ему придется переходить, потому-что не торговать-же ему въ пустомъ мѣстѣ. Такъ что это дѣло и его касалось. Только что все уѣлились, явился и батюшка, которому Кузьма Миронычъ сказалъ о предстоящей бесѣдѣ.

— Не помѣшаю?—спрашиваетъ батюшка.

—Милости просимъ,—отвѣтилъ учитель.—Чѣмъ-же помѣшаете?

— Слыхалъ я кое-что насчетъ закрѣпленія песковъ,—объяснилъ священникъ,—но только пристально съ этимъ дѣломъ познакомиться не пришлось. Вотъ, я и любопытствовывалъ.

— Садитесь, батюшка,—пригласилъ учитель.—Можетъ, и вы намъ совѣтомъ поможете. Въ томъ только извиняюсь, что я самъ не догадался васъ къ намъ попросить.

Когда все устроились, чтобы поудобнѣе слушать, учитель началъ.

— Въ разныхъ странахъ пески закрѣпляются разными способами. Въ сѣверныхъ краяхъ, гдѣ воздухъ много влажнѣе нашего, сѣютъ сосну. Сѣютъ сосну и на Дону, потому что тамъ тоже бываетъ больше дождей, чѣмъ у насъ. Сосна на пескахъ растетъ хорошо и въ скоромъ времени даетъ настоящій лѣсъ, но только къ намъ она не подходитъ. Пробовали ее сажать и у насъ, растетъ мѣстами, но только въ самыхъ яминахъ, гдѣ близко вода, да и то удается нѣсколько деревьевъ. Въ Закаспійской области, за киргизской землей, для закрѣпленія песковъ употребляютъ особыя растенія, но у насъ ихъ еще мало пробовали, такъ что сказать объ нихъ ничего не могу. Но у насъ есть свои растенія, которыя принимаются легко, поливки не требуютъ и приносятъ человѣку пользу. Сѣять и сажать эти растенія не трудно, и это дѣло не требуетъ какихъ либо особенныхъ знаній. Вообще въ пескахъ сѣять легче, чѣмъ на твердой землѣ. На суглинкахъ, скажемъ, для посѣва нужно прежде вспахать землю, а въ пескахъ этого не требуется,—ихъ ужъ вѣтеръ вспахалъ, они рыхлѣе всякой паханой земли. Одно только нужно—разъ въ пескахъ что посѣяли, нужно ихъ всячески оберегать отъ погравы. Это вѣдь и такъ понятно,—посѣете что нибудь, а потомъ запустите въ нихъ скотъ, что-же отъ посѣва останется? Вотъ, вы прежде всего и скажите,—можно-ли такъ устроить, чтобы пески, если мы ихъ начнемъ закрѣплять, отъ скотины уберечь?

Немного всѣ помолчали. Потомъ Федосѣй Степанычъ и говорить:

—Дѣло это намъ не больно подходящее. Какъ-же это скотину въ пески не пускать. Выгонъ у насъ плохой, въ жаркую пору на немъ и вовсе ничего нѣтъ, а въ пескахъ она хоть что нибудь перехватить.

—Вѣрно,—говоритъ Иванъ Дмитричъ.—Опять-же скотина глупая. Какъ ей закажешь—туда иди, сюда не иди. Это, выходитъ, за каждымъ телкомъ съ палкой гоняйся.

— А вы скажите,—говоритъ учитель,—много-ли травы бываетъ въ пескахъ? Вотъ, теперь весна, скотина больше на выгонѣ пасется и въ пески не заходитъ, а много-ли въ нихъ чего путнаго? У самой околицы у васъ песковъ десятинъ сто наберется, такъ на всѣхъ этихъ ста десятинахъ только и есть, что кустиковъ сто колючки. А лѣтомъ—сами посмотрите

—одни бугры песчаные, ни листика, ни былинки. Что-же тамъ ѣсть скотинѣ? Давно все съ корнями съѣдено.

— Это, пускай, правда,—сказалъ Кузьма Миронычъ.— Какой ужъ тамъ кормъ. Только зубами хлопаетъ.

— А на счетъ охраны,—продолжалъ учитель,— такъ дѣйствительно, за скотиной нужно присматривать, особенно когда пески послѣ поѣва зеленую покроются. Только вы сами разсудите, что лучше—запустить-ли скотину въ пески, чтобы она всю траву прикончила и опять голые пески стали, а потомъ опять о переселеніи думать, или побережъ ихъ, остаться на старомъ мѣстѣ, а съ песковъ пользу получать?

— Такъ-то, какъ говоришь, извѣстно лучше,—сказалъ Федосей Степанычъ.—Да будетъ-ли польза?

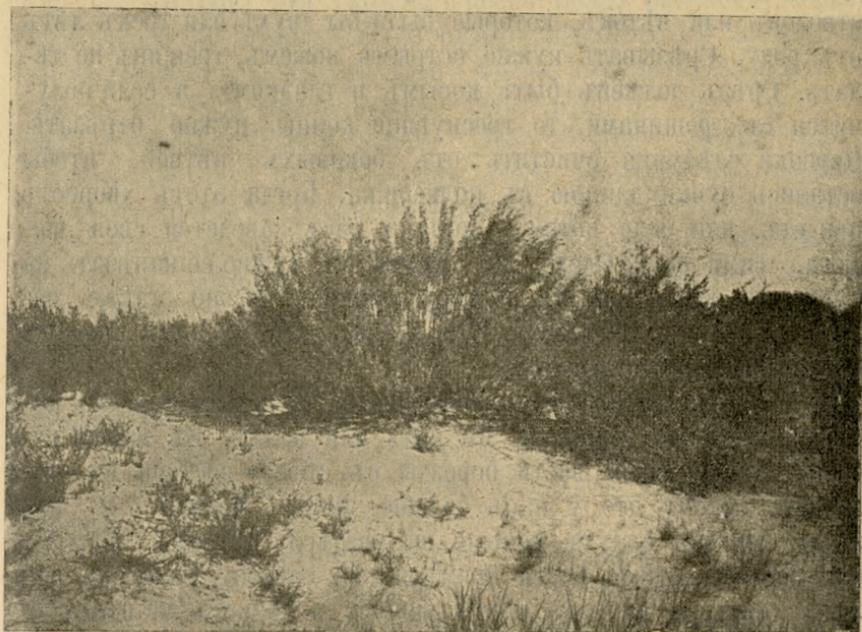
— Лишь-бы удалось пески закрѣпить, а польза будетъ,—отвѣтилъ учитель.—А убережъ пески отъ скотины не такъ ужъ трудно. Нужно только сказать пастуху, чтобы онъ не гонялъ скотину въ ту сторону, гдѣ мы будемъ сѣять. Ну, а на самые поѣвы все-таки надо поставить караулъ, чтобы отгонялъ заблудшую или чужую скотину. Да ужъ въ этомъ вы сами разберетесь, какъ лучше сдѣлать.

— Объ этомъ и правда не стоитъ говорить,—сказалъ батюшка.—Увидятъ, что дѣло полезное, какъ не убережъ.

— Извѣстное дѣло,—подакнулъ Кузьма Миронычъ.— Кто будетъ отъ своей пользы отказываться. Составимъ общественный приговоръ, вотъ и все.

— Ну, а все, такъ пойдемъ дальше,—продолжалъ учитель.—Теперь начнемъ о самомъ дѣлѣ—какъ и чѣмъ укрѣплять пески. Одно дѣло закрѣплять пески около усадьбы, чтобы песками дома не заносило. Ужъ и въ одномъ этомъ будетъ польза, но только тогда съ песковъ и другую пользу можно будетъ получать, какъ вы сами увидите. Другое дѣло—закрѣплять пески въ степи, чтобы съ нихъ кормъ для скотины получать. Начнемъ мы съ перваго.

— Есть растеніе ш е л ю г а. Ростомъ оно доходитъ сажень до трехъ-четыреухъ, листьями походить на ветлу, пруть у него гибкій и тонкій, прямой. Этого растенія есть нѣсколько сортовъ. Лучшій сортъ получается съ Дона и можно его выписывать черезъ Управленіе Государственными Имуществами, или при посредствѣ завѣдующаго работами по укрѣпленію песковъ астраханской губерніи, проживающаго въ г. Камы-

Шелюга (*Salix acutifolia*)

шинѣ, саратовской губерніи. Нужно написать ему, или въ Астрахань, въ управленіе, и просить выписать, сколько нужно. Оттуда и выпишутъ и возьмутъ деньги, за сколько самимъ обойдется. Барыша никакого не возьмутъ, потому что управленіе это для того и образовано, чтобы народу въ такихъ дѣлахъ помогать.

— Знаю,—сказалъ кто-то.—У насъ тутъ одинъ садъ разводилъ, такъ черезъ это самое управленіе деревья выписывалъ. Ничего, недорого обошлось.

— А знаешь, такъ и хорошо,—сказалъ учитель.—Другой сортъ, помельче, можно получать отъ Нарынскаго лѣсничаго, изъ Ханской ставки,—такъ и письма нужно посылать въ Ханскую ставку, Нарынскому лѣсничему, а то и этотъ сортъ можно получить также черезъ управленіе. Шелюгу эту нужно выписать къ осени. Надо сказать, что у насъ на пескахъ всякія растенія лучше осенью разводить, — вѣрнѣе выходитъ. Придетъ шелюга въ пучкахъ, вродѣ хвороста. Срѣ-

зываютъ шелогу осенью отъ здороваго куста и отъ такихъ стволонъ или вѣтокъ, которые были-бы двухъ или трехъ лѣтъ отъ роду. Срѣзывать нужно острымъ ножомъ, трещинъ не дѣлать. Срѣзь долженъ быть косымъ и гладкимъ, а если получится съ трещинами, то треснувшіе концы нужно отрѣзать. Черенки слѣдуетъ очистить отъ боковыхъ вѣтвей, чтобы остались сучки длиною съ полвершка. Когда этотъ хворостъ придетъ, или если потомъ, когда у васъ заведется своя шелога, сами ее срѣжете на мѣстѣ, то нужно ее нарѣзать на куски въ одинъ или въ полтора аршина. Можно также сажать и цѣлыми прутьями. Передъ посадкой хорошо черенки сутки подержать въ водѣ.

— Для посадки, коли пѣски ровные, проводятъ плугомъ борозды, глубиною верхковъ въ пять или шесть. Въ нашей губерніи лучше всего вести борозды съ сѣверо-востока на юго-западъ, потому что у насъ больше дуетъ моряна, и при этомъ черенки будутъ меньше выдуться вѣтромъ. Борозду отъ борозды нужно вести примѣрно на сажень. Сажаютъ шелогу такъ: за плугомъ идутъ рабочіе и сейчасъ-же вдоль борозды укладываютъ на дно черенки. Теперь, если за рабочими пустить рядомъ другой плугъ, то онъ тоже проведетъ борозду, а песокъ изъ нея ляжетъ въ борозду съ черенками и засыплетъ ихъ. Вотъ и вся посадка. Но такъ, я ужъ сказалъ, дѣлаютъ только на ровныхъ пескахъ, если-же пѣски барханные, съ кочугурами, то дѣлать борозды и засыпать черенки нужно лопатами. Впрочемъ, иные сажаютъ и такъ, что черенки, верхковъ въ 12 длиной, втыкаютъ въ песокъ стоймя, оставивъ надъ пескомъ всего съ полвершка. Черезъ каждые три или четыре года шелогу слѣдуетъ вырубать, потому что если ее оставить лѣтъ на семь, то послѣ срубки она не станетъ давать новыхъ побѣговъ. Нанимать рабочихъ вы, понятно, не станете, свои руки есть, но все-же посадка шелоги обойдется довольно дорого: кубическая сажень шелоги, ли ее выписать изъ Нарынскаго лѣсничества, съ провозомъ до Владиміровки обойдется отъ 13 до 18 рублей, а тамъ ужъ сами рассчитайте, что будетъ стоить провозъ дальше, до нашего села. На десятину песковъ, коли вести борозду отъ борозды, какъ я сказалъ, на сажень, потребуется два съ половиною куба шелоги, стало быть съ провозомъ до Владиміровки рублей на 30 или 40. Донская шелога обойдется не

дороже, или немногимъ дороже. Та шелюга, говорятъ, лучше, и сажать ее выгоднѣе.

— Шелюга эта укрѣпнть пески, между нею пойдутъ разныя травы. А потомъ вы ее будете вырубать на плетни или на топливо. Разъ въ три года можно вырубнть на-чисто, а черезъ три года опять можно будетъ рубнть. Вотъ, и подумайте, сколько будетъ пользы. Съ десятины можно будетъ собрать хворосту до 20 кубовъ. Коли считать, что хворостъ за кубъ стоить 4 рубля, то десятина разъ въ три года дастъ вамъ прибыли 80 рублей. Сажать шелюгу лучше такъ, чтобы всѣ пески, которые вы хотите засадить, раздѣлнть на три или четыре части и каждый годъ засаживать одну часть. Тогда у васъ будетъ хворостъ каждый годъ, — нынѣшннй годъ срубите съ одной части, на будущнй—съ другой, еще на слѣдующнй—съ третьей. А потомъ опять можно начинать сначала.

— Бываетъ еще такъ, что часть шелюги непримется. Тогда на слѣдующую осень нужно подсаднть шелюгу на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она не принялась.

— Дѣло выходитъ простое,—замѣтилъ Кузьма Мирончъ.—А долго эта самая шелюга будетъ расти?

— Да такъ и не будетъ переводиться,—отвѣтилъ учитель.—Вы ее будете рубнть, а она вновь вырастетъ.

— Дорого только,—сказалъ Федосей Степанчъ.—Коли намъ сто десятинъ посаднть у села—вѣдь это какая прорва денегъ выйдеть.

— Дорого-то дорого,—согласился учитель,—да за то и доходу будетъ много. Да вѣдь и не нужно сразу все засаживать. Засаживайте въ годъ хоть по пятку десятинъ, а на остальномъ мѣстѣ другня растенія можно сѣять. А какія — сейчасъ вамъ скажу.

— Въ киргизскнхъ и калмыцкнхъ степяхъ есть одно растеніе—дж у з г у н ъ называется. Представляетъ оно изъ себя кустъ съ крѣпкнми вѣтвями и съ тоненькнми длинными листочками, вродѣ иголокъ. Скотина этого растенія не ѣсть, развѣ что съ сильнаго голоду, да и угрызть его трудно. На самыхъ сыпучнхъ пескахъ удаеться такъ, что вырастаеть этотъ кустарннкъ аршннъ до пяти росту, а больше попадаются кусты съ сажень вышиной. Кустъ корявнй, годень только на топливо, но пески сдерживаетъ хорошо. Разводятъ его посѣвомъ, такнмъ-же способомъ, какъ и всѣ остальныя растенія,

и объ этомъ я вамъ сейчасъ расскажу. Дѣлають такъ. Одинъ рабочій идетъ вдоль линіи и короткой лопаткой дѣлаеть ямки на каждомъ шагу, верхка въ 4 глубиною. Другой рабочій идетъ за нимъ слѣдомъ и въ каждую ямку бросаетъ два—три зерна джузгуна, а потомъ ногой заравниваетъ ямку. Дойдутъ до конца линіи, поворачиваютъ назадъ и тѣмъ-же манеромъ идутъ рядомъ, такъ, чтобы промежутокъ между рядами былъ аршина въ два. Потомъ засѣваютъ третью линію, четвертую и такъ дальше. Вотъ и весь посѣвъ. Сѣять джузгунъ нужно тоже въ октябрѣ. Въ будущей осени онъ дастъ побѣги въ аршинъ, а еще черезъ годъ самъ начнетъ сѣмена приносить, такъ что выписывать изъ другихъ мѣстъ ихъ болѣе будетъ не нужно. Работа по посѣву идетъ легко и скоро, эту работу могутъ даже ребяташки исполнять, только, разумѣется, за ними присмотръ нуженъ. Цѣна на сѣмена бываетъ разная, смотря по урожаю. Въ Ханской Ставкѣ пудъ обходится копеекъ въ 50, иногда до рубля доходить, да провозъ до Владиміровки стоитъ копеекъ десять, да на мѣшки накиньте тоже гривенникъ на пудъ. На десятину-же высѣваютъ сѣмянъ съ полпуда или немногимъ болѣе. Значить, если не считать работы, закрѣпленіе джузгуномъ обойдется копеекъ въ пятьдесятъ на десятину. Двое рабочихъ въ одинъ день могутъ засѣять съ полдесятины. Ямки въ песокъ недолго въдь дѣлать,—махнулъ разъ лопаткой, ямка и готова.

— Ну, это недорого,—сказалъ Федосей Степанычъ.— Это совсѣмъ подь силу.

— Недорого-то недорого,—отвѣтилъ учитель,—да за то и толку отъ джузгуна немного. На плохое топливо, больше нигуда не годится. Ну, за то дѣйствительно, чтобы прочно село отъ песковъ загородить, дешевле ничего не придумать. Порастутъ всѣ пески этимъ кустарникомъ частымъ, а между кустами трава пойдетъ, года въ два не узнаешь мѣста.

— А то вотъ, еще есть растеніе,—продолжалъ учитель,—к р а з н а я полынъ. Она тоже растетъ кустиками, и какъ посѣять ее, такъ на много лѣтъ пойдетъ. Вышины въ ней иногда бываетъ аршинъ до двухъ. Кустъ раскидистый, зеленый до самой осени, а когда осенью засохнетъ, можно и ее на топливо срѣзывать. Топливо немудрящее, а все-таки въ дѣло можетъ пойти. Сѣютъ ее такъ-же, какъ джузгунъ, и посѣвъ обойдется въ ту-же цѣну, только сѣютъ не самыя

Чагеръ (*Artemisia campestris*).

сѣмена, — ихъ трудно снять съ вѣтокъ, — а кончики вѣтокъ съ сѣменами. Перетереть въ рукахъ эти вѣтки, какъ онѣ изъ Ханской Ставки придуть, да такъ эту труху и сѣять. Эта полынь еще лучше, пожалуй, пески закрѣпляетъ, чѣмъ джугунъ. Но она также въ кормъ не годится, развѣ что самые молодые побѣги.

— Нѣкоторые употребляютъ для закрѣпленія песковъ еще растеніе — кумарчикъ. Оно растетъ тоже въ киргизской степи, попадаетъ, хотя и рѣже, въ калмыцкой. Кумарчикъ достигаетъ роста съ полъ-аршина и густо покрываетъ пески, но не всегда. Растеніе это однолѣтнее, какъ хлѣбъ или пшеница. Поэтому выходитъ, что одинъ годъ кумарчикъ растетъ на пескахъ хорошо, а на другой можетъ случиться такъ, что его и слѣда не будетъ. Значитъ, можно его употреблять только въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно закрѣпить пески только на одно лѣто, чтобы, напримѣръ, подготовить пески для посадки другихъ растеній. Сѣется кумарчикъ такъ-же, какъ и другія песковыя растенія. Сѣмена его собираются осенью. Для

этого кустики кумарчика срѣзываютъ и молотятъ. Нужно еще сказать, что у него съѣдобныя сѣмена. Киргизы изъ него варятъ кашу и ѣдятъ съ удовольствіемъ. Каша, правда, получается очень вкусная.

Кумарчикъ (*Agriophyllum arenarium*).

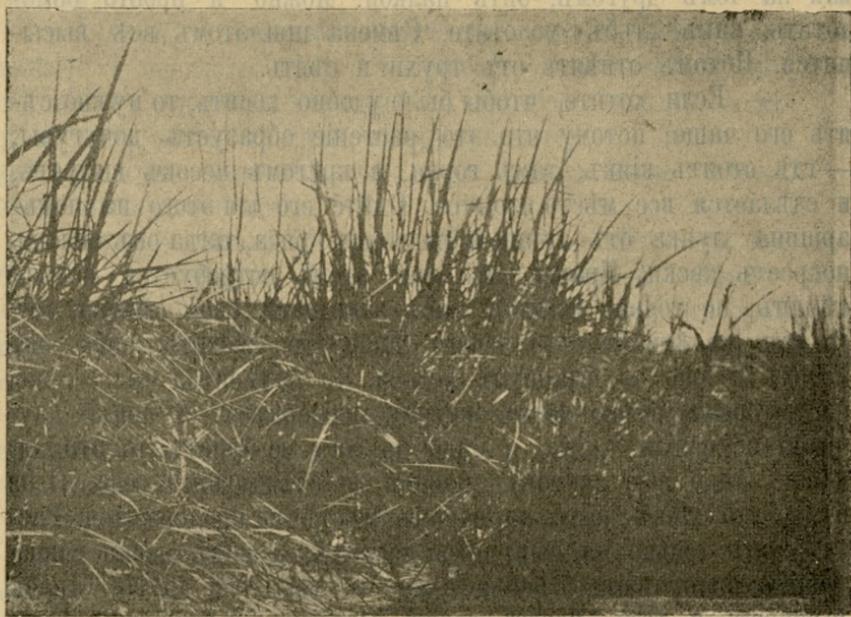
— Хоть и дешевы эти растенія, а по моему лучше шелюгу испробовать,—сказалъ батюшка.—Хворосту у насъ въ степи не достать, а тутъ свой хворостъ будетъ.

— Я то-же думаю, что лучше,—отвѣтилъ учитель,—но вотъ только боятся они, что дорого будетъ стоить. Ну, да сами они обдумаютъ, что лучше сажать и сѣять. Лучше-же всего такъ сдѣлать, что всего понемногу испробовать. Не одно, такъ другое, не другое, такъ третье непременно примется и пески закрѣпить. И тогда село на старомъ мѣстѣ останется, никому не нужно будетъ изъ него уходить на новое.

— Ну, если все такъ выйдетъ, какъ вы говорите,— сказалъ торговецъ,— такъ лучше намъ и желать нечего. Что же, старички,— обратился онъ къ остальнымъ.— Надо попробовать. Я самъ на это дѣло рублей съ полсотни дамъ, потому тутъ и мой интересъ есть.

— А вотъ, подумаемъ, потолкуемъ,— отвѣтилъ Кузьма Миронычъ.— Не все сразу. Теперь скажи-ка ты намъ, что дѣлать съ дальними песками. Говорилъ ты, что на пескахъ можно такія травы сѣять, чтобы скоту на кормъ пошли.

— Къ этому я и самъ рѣчь веду, сказалъ учитель.— Въ астраханской губерніи многое пробовали сажать и сѣять, но лучше всего удается кіякъ.

(Кіякъ (Elymus giganteus))

— Растенія этого сколько угодно можно найти въ киргизской и калмыцкой степяхъ. Есть оно и около русскихъ селъ. Русскіе называютъ его песчаный овесъ, а мѣстами рѣзакъ. Слово кіякъ—это киргизское названіе, а калмыки зовутъ его джигинда. Растетъ оно пучками, вроде сноповъ, стоймя поставленныхъ на землю. Съ начала весны

изъ подъ земли выходятъ длинныя и узкія листья, а потомъ онъ пускаетъ стебель и въ маѣ начинаетъ колоситься. Колосъ длинный, иногда въ четверть длины, весь усѣянъ сѣменами. Въ началѣ, а иногда въ серединѣ іюня, сѣмена созрѣваютъ и высыпаются. Сѣмена съ провозомъ изъ Ханской Ставки до Владиміровки или изъ калмыцкой степи до паролной пристани стоятъ копеекъ семьдесятъ за пудъ. На десятину высѣвается не больше пуда, а сѣять нужно точно такъ-же, какъ джугунъ. Это растеніе черезъ годъ тоже начнетъ приносить сѣмена, и тогда ихъ нужно собирать такимъ образомъ: какъ только сѣмена созрѣютъ, сейчасъ-же нужно срѣзать колосья, немного подсушить и потомъ на холстинѣ, или на чемъ другомъ, бить палкой. Можно и просто обмолотить, какъ хлѣбъ молотите. Сѣмена при этомъ всѣ высыпятся. Потомъ отвѣять отъ трухи и сѣять.

— Если хотите, чтобы было удобно косить, то нужно сѣять его чаще, потому что это растеніе образуетъ кочугуры, — гдѣ стоитъ кіякъ, тамъ горка, а кругомъ песокъ выдуется, и сдѣлается все мѣсто изрытое. Сѣйте его для этого на польаршина лунка отъ лунки и рядъ отъ ряда, тогда онъ сплошь покроетъ пески. Правда, что при этомъ потребуется больше сѣмянъ, но только когда у васъ заведутся свои сѣмена, тогда ихъ жалѣть будетъ нечего. Если его скосить, пока онъ молодъ и еще не выкинулъ колоса, то получится такое сѣно, на которомъ можно долго скотину продержатъ. А когда случится неурожай травъ, и сѣна другого не будетъ, то это кіяковое сѣно всю скотину спасетъ до слѣдующаго года. Одна бѣда, что кіякъ долго на одномъ мѣстѣ не продержится. Растетъ онъ только на сыпучихъ пескахъ, а какъ пески современемъ оплотнѣютъ, сейчасъ-же его начнутъ другія травы выживать и лѣтъ черезъ десять совсѣмъ выживутъ. Тогда изъ сыпучихъ песковъ сдѣлается обыкновенная песчаная степь. Если въ пескахъ влаги много, то въ нихъ можетъ и аржанецъ пойти, и другіе злаки, нужныя для скота. Ну, да это — дѣло будущаго. Въ случаѣ чего вновь можно будетъ кіякъ засѣять, послѣ того, какъ пески скотомъ взрыхлить, благо сѣмена тогда свои будутъ.

— Кіякъ этотъ я знаю, — сказалъ лавочникъ. — Приходилось мнѣ бывать въ калмыцкой степи, такъ я видалъ. Калмыкамъ давно уже велятъ сѣно на прокормъ скоту запасать.

До этого бывали тамъ такіе падежи отъ безкормицы, что во всемъ улусѣ, кажется, ни одной головы не оставалось. Чудной народъ,—скотину они водятъ, словно дикихъ звѣрей, сама скотина у нихъ должна себѣ кормъ добывать. Разведутъ скота выше головы, вдругъ не уродится трава, скотъ и пойдетъ падать. Въ одномъ улусѣ также вотъ никакой травы не уродилось, а сѣно нужно запасать. Калмыки и надумали: взяли да и накосили джигинды этой цѣлые стога. И ничего, скотъ весь цѣлехонекъ остался.

— Въ киргизскихъ степяхъ тоже клякъ на сѣно косятъ, — замѣтилъ батюшка. — Это я доподлинно знаю.

— Вещь, стало быть, выходитъ хорошая. — отозвался Кузьма Миронычъ. — И не дорогая. Какъ-же намъ-то? Что сѣять на пескахъ?

— А вотъ, я говорилъ, — отвѣтилъ учитель. — Испробуйте посѣять и посадить всего понемногу. Около усадебъ посадите шелюгу, посѣйте джузгунъ и красную полынь, а въ степи посѣйте клякъ. И сами вскорѣ увидите, что бѣда отъ песковъ совсѣмъ невелика, что пески вмѣсто вреда могутъ большую пользу приносить.

— Такъ, — сказалъ Кузьма Миронычъ. — Ну, мы на счетъ этого подумаемъ. Дѣло такое, что сразу не обмозгуешь. Поговоримъ съ міромъ, а потомъ, можетъ, еще къ тебѣ придемъ. Въ случаѣ чего ты ужъ намъ на первыхъ порахъ помоги.

— Кабы не хотѣлъ помочь, такъ и разговора этого не поднималъ-бы, — усмѣхнулся учитель.

— За науку спасибо.

Прощались всѣ съ учителемъ и разошлись.

Долго толковали крестьяне между собой на счетъ песковъ. Одни шибко противились всякимъ работамъ, говорили, что ничего изъ этой затѣи не выйдетъ, даромъ только и деньги, и трудъ пропадутъ, а предлагали прямо на другое мѣсто переходить. Извѣстно, русскій человѣкъ чего своими глазами не видалъ, тому не вѣрить. Другіе склонялись на то, чтобы сдѣлать по совѣту учителя и хоть немного, а посѣять то травы, о которыхъ онъ говорилъ. Шуму и сноровъ было много. Не разъ на сходѣ былъ и учитель, и священникъ. Дѣлѣ

рѣшилось тѣмъ, что лавочникъ предложилъ первые опыты на свой счетъ сдѣлать.

— Я сѣмянъ выпишу,—говорилъ онъ,—а вы посѣйте.

Понемногу да полегоньку на этомъ согласились. Выбрали десятины три песковъ у околицы, да десятинъ двадцать въ степи и сдѣлали такъ, какъ совѣтовалъ учитель. Сначала учитель все время былъ на работахъ, да потомъ крестьяне увидали, что дѣло совсѣмъ простое, и незачѣмъ человѣка отъ дѣла отрывать. Такъ, сами и покончили.

Первый опытъ удался не вполнѣ. Учитель объяснилъ, что это произошло отъ того, что взяли для посѣва слишкомъ малыя площади. Засѣяли маленькія площадки, а съ боковъ песокъ давить. Однако ужъ и изъ этого опыта стало видно, что изъ дѣла можетъ прокъ выйти. И на слѣдующій годъ крестьяне сами принялись за работу, какъ слѣдуетъ.

Теперь села и не узнать. О переселеніи никто больше не думаетъ, потому что на мѣстѣ песковъ выросла цѣлая шелюговая роща. Никто ужъ не отгребааетъ песку ни съ дворовъ, ни съ улицъ. Изъ хворосту, который въ пескахъ вырубали, надѣлали плетней, базы, амбарушки разные. А кяковкое сѣно успѣло ужъ выручить крестьянъ, когда лиманы не залились водой, и сѣно не уродилось. Теперь даже стали опять въ эти пески скотину запускать, но только съ осторожностью, чтобы опять не оголить пески.

Учитель давно ужъ переселился на другое мѣсто, а время отъ времени его вспоминаютъ.

— Спасино,—говорятъ,—доброму человѣку. Научилъ онъ насъ тогда. Кабы не онъ, совсѣмъ-бы пропасть пришлось...

И. Деминскій.

